

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 66
1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ сокровища духовнаго, отъ міра собираемаго. Миръ. — На пути въ объятія Отчи Изъ дневника инока. Сообщилъ Г. А. З. — Старая ложь отца лжи при свѣтъ истины Христовой. Гером. Аверкія. — Сила Божія и немощь человѣческая. Несчастныя. Сергѣя Нилуса. — Памяти старца Варнавы. (Разсказъ француженки).

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ИЗЪ СОКРОВИЩА ДУХОВНАГО, ОТЪ МІРА СОБИРАЕМАГО.

Мірѣ.

Ничто само отъ себя не бываетъ. Всякій градъ не отъ себя, но отъ инаго; всякій домъ не отъ себя, но отъ инаго созидается; всякое письмо не отъ себя, но отъ инаго пишется; всякая книга не отъ себя, но отъ инаго сочиняется; словомъ, всякая вещь не отъ себя, но отъ инаго дѣлается. Тако міръ сей не отъ себя, но отъ Создателя своего сотворенъ. *Той рече, и быша; Той повелъ и создашася* (Пс. 32, 9). Который Создатель есть Богъ нашъ въ единомъ естествѣ, но въ тріехъ лицахъ вѣруемый, исповѣдуемый и покланяемый—Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Міръ не такъ отъ Создателя созданъ есть, какъ человѣки созидаютъ. Человѣки созидаютъ одно отъ другаго, то есть, изъ какой нибудь матеріи дѣло дѣлаютъ, и то съ трудомъ; но Богъ міръ сей, то есть небо и землю съ исполненіемъ ихъ, изъ ничего и безъ всякаго труда, единымъ хотѣніемъ и словомъ создалъ. *Рече, и быша: повелъ, и создашася*,—которое дѣло всемогущей Божіей силѣ приписуется. Разумъ нашъ, который говоритъ, что ничего изъ ничего не бываетъ, не можетъ понять того, како такъ великій міра сего составъ изъ ничего произведенъ; но вѣра недостатокъ разума дополняетъ, и убѣждаетъ его признавать тое, что Богу, яко всемогущему, все возможно. *Яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь* (Лук. 1, 37.) *Върою разумываемъ совершится въкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Она слышитъ отъ Духа Святаго свидѣтельство: *въ началъ Богъ сотвори небо и землю*, (Быт. 1, 1.) и тако безъ сумнѣнія держитъ. Якоже бо сочинитель книги изъ разума своего износитъ слова, и нарисуетъ ихъ на хартіи, и тако сочиняетъ книгу, и какъ бы изъ ничего нѣчто дѣлаетъ: тако премудрый и всемогущій Создатель, что въ Божественномъ Своемъ разумѣ имѣлъ, и что восхотѣлъ, все сотворилъ, и какъ бы книгу изъ двухъ

листовъ, то-есть, неба и земли состоящую, сочинилъ. Въ которой книгѣ видимъ Божіе всемогущество, премудрость и благодать. Всемогущество, яко все изъ ничего хотѣніемъ и словомъ сотворилъ. Премудрость, яко все премудро сотворилъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. 103, 24). Благодать, яко все не ради Себя, но ради насъ сотворилъ. Добро бо есть сообщительно самого себя. Ибо Богъ Самъ ради Себе ничего не требуетъ. Какъ прежде вѣкъ, такъ и нынѣ, и во вѣки вѣковъ, во всесовершенномъ блаженствѣ пребываетъ.

(Изъ твореній св. Тихона Задонскаго).

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инока).

(Продолженіе).

1893 года 7 Февраля (прошеное воскресенье). Отъ прочтенія дневника своего открываешь какъ будто новый для себя міръ чувствъ и мыслей, между тѣмъ тобою же когда то пережитыхъ. Когда воспроизводишь добрыя мысли и чувства, то является поводъ къ искушенію въ самоиѣнни: я-де не совѣмъ плохой человекъ (вотъ одна изъ опасностей веденія религіозно-нравственныхъ дневниковъ). Между тѣмъ ощущенія новизны при чтеніи дневника должны убѣдить въ томъ, что всѣ эти добрыя мысли и чувства всего менѣе твои, т. е. отъ тебя исходили какъ причины, хотя и совершались въ твоей головѣ и сердцѣ, но все это дѣйствіе благодати Божіей. Если бы это болѣе зависѣло отъ твоей воли, исходило изъ тебя, то оно не изгладилось бы такъ скоро изъ твоей памяти. Поелику дѣйствія благодати не усвоены тобою совершенно, не растворились съ духомъ твоимъ, а такъ сказать облекали тебя какъ одежда, то ты при малѣйшихъ искушеніяхъ и чувствовалъ себя обнаженнымъ отъ этой Христовой одежды и находилъ себя тѣмъ слабымъ и ничтожнымъ, какимъ былъ ты и прежде. Одно я замѣчаю въ себѣ (и притомъ можетъ быть еще большее) ощущеніе или восприемлемость благодати, но и это не мое, но дѣйствіе Того же Духа благодати предпочищающаго.

Сообщилъ I. А. З.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРАЯ ЛОЖЬ ОТЦА ЛЖИ ПРИ СВѢТѢ ИСТИНЫ ХРИСТОВОЙ.

Будете яко бози (Быт. 3 гл. 5 ст.). Вотъ слова погубившія блаженство первыхъ людей. Чего не доставало Адаму и Евѣ въ раю? Богъ часто являлся имъ и бесѣдовалъ съ ними, какъ съ дѣтьми, о болѣзняхъ и скорбяхъ они и понятія не имѣли, пища у нихъ была въ изобиліи и кромѣ того имъ дана была власть надъ всѣми живыми существами: *обладайте рыбами морскими, и звѣрьми, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли* (Быт. 1 гл. 28 ст.). И все-таки при словахъ змія-искусителя „будете яко бози“ рѣшились оказать непослушаніе своему Творцу и благодѣтелю, нарушить данную Имъ, одну только, заповѣдь. Что же было заманчиваго въ этихъ словахъ, что они ради ихъ лишились блаженства? Они думали, что они будутъ такъ же независимы и самостоятельны, какъ Богъ. И что же? вмѣсто легкаго и пріятнаго подчиненія Богу они подпали тяжелому рабству діавола.

Не такъ же ли совращаютъ въ нынѣшнее время и нашихъ молодыхъ людей? Не говорятъ ли имъ: „зачѣмъ царь, зачѣмъ правительство? Идите въ народъ, возмущайте, возстановляйте его противъ власти. Когда вы свергнете ее, вы будете правителями этого народа, благодѣтелями его, и сами будете наслаждаться всѣми благами земными, да и остальныхъ всѣхъ, которые будутъ находиться подъ вашимъ покровительствомъ, сдѣлаете счастливыми“. И вѣрятъ юные головы этимъ льстивымъ и лживымъ рѣчамъ; бросаютъ науку, бросаютъ даже родительскій кровъ и идутъ на *страну далече*... И что же? вмѣсто тихой, покойной жизни находятъ бѣдствія, вмѣсто власти—подчиненіе, подчиненіе настолько тяжелое и позорное, что смерть они считаютъ для себя благодѣяніемъ. Жалкіе и несчастные тѣ люди, которые вѣрятъ этимъ ложнымъ и несбыточнымъ обѣщаніямъ. Да развѣ можетъ какое-либо благоустроенное государство оставаться хотя на короткое время безъ власти? Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Начальникъ, какъ охранитель мира и гражданскаго благоустройства, есть величайшій твой благодѣтель. Тысячами выгодъ государства обязаны своимъ правительствомъ. Если упразднить начальство, все разстроится и разрушится; не устоятъ ни города, ни селенія, ни дома, ни торговые рынки, никакое другое заведеніе, напротивъ все ниспровергнется отъ того, что сильнѣйшіе поглотятъ слабѣйшихъ. *Сего бо ради и дани даете*, говоритъ Апостоль, *служители Божіи суть во истое сіе пребывающе* (Римл. 13, 6). Платя дань правительству, симъ самымъ ты свидѣтельствуешь, что оно благодѣтельствуеть тебѣ. За что даешь царю

дани? Не за то ли, что онъ промышляетъ о насъ? Не есть ли это награда правительству за его попеченія? Издревле съ общаго согласія всѣми принято, чтобы правители содержались на нашъ счетъ; потому что они, оставивъ собственныя дѣла, пекутся о дѣлахъ общественныхъ и все свое время проводятъ въ заботахъ о томъ, чтобы наша собственность была неприкосновенна. *Служители бо Божіи суть*, т. е. такъ угодно Богу. *Во истинѣ пребывающе*, т. е. на то посвящена вся жизнь ихъ, о томъ всѣ заботы ихъ, чтобы ты наслаждался миромъ. Посему и въ другомъ посланіи Павелъ повелѣваетъ не только подчиняться начальникамъ, но молиться за нихъ, причемъ показываетъ и общую отъ того пользу: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (1 Тим. 2, 2). Ибо начальники не мало содѣйствуютъ къ спокойствію настоящей жизни нашей тѣмъ, что вооружаются противъ враговъ, отражаютъ ихъ, умиряютъ внутренніе мятежи, рѣшаютъ всякіе ссоры. Посредствомъ начальниковъ, гражданскихъ и церковныхъ, Богъ устрояетъ наше спасеніе. Богъ вооружилъ начальниковъ, дабы устрашали дерзкихъ. Если бы не было совсѣмъ страха отъ начальниковъ, до какого неистовства не дошли бы дерзкіе люди? Не разрушили ли бы они у насъ города до основанія, и повернувъ все вверхъ дномъ, не лишили ли бы насъ и самой жизни? Уничтожь судилища и уничтожишь всякій порядокъ въ нашей жизни; удали съ корабля кормчаго, и потопишь судно; отними у вождя войско, и предашь воиновъ въ плѣнъ непріятелямъ. Такъ, если отнимешь у городовъ начальниковъ, мы будемъ вести себя безумнѣе безсловесныхъ звѣрей,—станемъ другъ друга угрызать и пожирать, богатый бѣднаго, сильнѣйшій слабаго, дерзкій кроткаго“.

Что можно сказать противъ этихъ ясныхъ, какъ Божій день, и правдивыхъ словъ Святителя Христова? Не испыталъ ли и каждый изъ насъ за послѣдніе два-три года справедливость ихъ? Что бы стало съ нашей богатой, могучей и сильной страной, если бы имъ удалось привести свое безумное намѣреніе въ исполненіе? Страшно подумать. Страну постигли бы бѣдствія, гораздо болѣе тягчайшія, нежели какія она терпѣла пять вѣковъ тому назадъ, во время татарскаго нашествія. Тогда татары оставили все-таки покоренному имъ народу князей, зависѣвшихъ, положимъ, отъ хана, который выдавалъ имъ ярлыки на княженіе, но все-таки защищавшихъ своихъ подданныхъ, на сколько то было возможно, отъ притѣсненія татарскихъ тиуновъ. Наши же „благодѣтели“ намѣрены лишить насъ и этого. Они говорятъ, что лишь бы только свергнуть правительство, они тотчасъ же отнимутъ у богатыхъ деньги, раздѣлятъ ихъ всѣмъ равно, такъ что не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, будутъ всѣ равны, притѣснять будетъ некому, потому что правительства никакого не бу-

деть—они будутъ не правителями, а руководителями народа. Но согласно ли такое ихъ ученіе съ здравымъ разсудкомъ и волею Божіею? Возможно ли будетъ существованіе не только государства, а даже хотя сколько-нибудь благоустроеннаго общества при такихъ условіяхъ? Ап. Павелъ, описывая благоустройство хрістіанскаго общества, сравниваетъ его съ тѣломъ: *тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука; то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ; то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу? Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе? Но Богъ расположилъ члены, каждый въ составъ тѣла, какъ Ему было угодно. Не можетъ глазъ сказать руцѣ: ты мнѣ не нужна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны* (1 Кор. 12 гл. 14, 15, 16, 17, 18, 21). А Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о благоустройствѣ государства, пишетъ: „должно быть начальствованіе, одни должны управлять, другіе же быть управляемы, а не просто по своей волѣ жилъ бы каждый, и люди подобно волнамъ носились бы туда и сюда. Такъ какъ равенство доводитъ до ссоръ, то Богъ установилъ многіе виды начальства и подчиненности, именно: между мужемъ и женой, между сыномъ и отцомъ, между старцемъ и юношей, рабомъ и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ и ученикомъ. И удивляться ли такому установленію между людьми, когда то же самое устроилъ Богъ въ тѣлѣ нашемъ? Ибо Онъ такъ устроилъ, что не всѣ члены имѣютъ равное достоинство, но одинъ ниже, другой важнѣе, и одни управляютъ, другіе состоятъ подъ управленіемъ. То же самое усматриваемъ и у безсловесныхъ: у пчелъ, у жаравлей, въ стадахъ дикихъ животныхъ. Даже и море не лишено такого же благоустройства, но и тамъ во многихъ родахъ рыбъ одна управляетъ и предводительствуетъ прочими, и подъ ея начальствомъ онѣ отправляются въ отдаленныя плаванія. Напротивъ безначаліе вездѣ есть зло и производитъ замѣшательство“.

Видишь, православный хрістіанинъ, какъ необходимъ для насъ Царь и установленное имъ правительство, и какую громадную пользу приносятъ они намъ. Не слушай этихъ льстивыхъ и ложныхъ рѣчей о равенствѣ, о свободѣ и проч.; они произведеніе сатаны, который ложь и отецъ лжи, и заботится только о томъ, чтобы какъ можно болѣе погубить хрістіанъ. Не даромъ первые Русскіе люди мѣтко называли своего князя, когда онъ принялъ крещеніе, краснымъ солнышкомъ—„Владиміръ-красное солнышко“. Для нашего отечества Государь есть дѣйствительно „красное солнышко“. Кто согрѣваетъ любовью и сердечнымъ участіемъ несчастныхъ?—Государь. Кто первый протягиваетъ

руку помощи въ бѣдствіяхъ? Государь. Кто защититъ невиннаго и помилуесть раскаявшагося преступника?—Государь. Однимъ словомъ Государь и поставленные имъ начальники для тебя, Русскій человѣкъ, такъ же необходимы, какъ необходимъ воздухъ для всего живущаго; и ты долженъ не только безпрекословно покоряться и исполнять всѣ ихъ постановленія, но и молиться за нихъ Богу и быть всегда готовымъ положить за нихъ жизнь, защищая отъ враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Гером. Аверкій.

СНАЯ БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

НЕСЧАСТНЫЙ.

(Окончаніе).

VII.

Тяжелая эта была болѣзнь и сопровождалась она такимъ тяжелымъ запахомъ отъ больнаго, что отецъ мой, несмотря на все свое расположеніе къ куму, уговорилъ его помѣститься въ городской больницѣ. Самъ свезъ его туда на своей лошади и сдалъ съ рукъ на руки больничному начальству.

— „Не скучай, кумъ“,—сказалъ онъ ему: „навѣщать каждый день тебя будемъ. А поправишься—опять къ намъ милости просимъ. Видишь—твое дѣло уже идетъ на поправку: какія были ноги-то твои? А теперь уже и владѣть ими начинаешь. Въ больницѣ тебя живо выправятъ“.

Кумъ обѣщалъ не скучать. Но не прошло и двухъ дней, какъ онъ неожиданно для всѣхъ насъ явился къ намъ въ домъ, едва передвигая свои больныя, опухшія отъ водянки ноги. Отецъ былъ въ это время на службѣ.

— Обманулъ кума-то: не остался въ больницѣ“,—заявилъ онъ намъ съ болѣзненной и жалкой улыбкой: „къ вамъ притащился помирать—ужъ вы меня, ради Христа, не гоните!“

У кого же хватило бы духу гнать бѣднягу, и онъ остался доживать у насъ свои страдальческіе послѣдніе дни. Но, тѣмъ не менѣе, въ домѣ ему оставаться было немислимо: слишкомъ тяжкій духъ шелъ отъ его больнаго, изстрадавшагося тѣла, и мы на общемъ совѣтѣ порѣшили помѣстить его въ нашемъ саду. Была тамъ у отца небольшая холодная постройка—уютная, чистенькая, заново оклеенная обоями комнатка, куда въ лѣтнія жары любилъ удаляться отецъ мой на ночлегъ отъ ночной духоты въ

домѣ и отъ утреннихъ мухъ: вотъ эту-то комнатку мы и отвели больному. Былъ июнь мѣсяцъ; стояло тепло, и ему въ саду было куда лучше, чѣмъ въ домѣ. Только одна бѣда была: никто изъ прислуги за нимъ ходить не хотѣлъ, не перенося его запаха. И, правда,—тяжекъ былъ духъ отъ Андрея Александровича!.. Пришлось ходить за больнымъ мнѣ, его кумѣ: такъ и доходила я за нимъ до самой его послѣдней минуты.

Тихая, блаженная была кончина страдальца. За двѣ недѣли до смерти, по его желанію, мы его особоровали и причастили, и съ этого дня и до самой своей кончины онъ не переставалъ тихонько, про себя пѣть: Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!..

Изрѣдка заставлялъ меня поиграть ему на гитарѣ—я на ней немного поигрывала,—а затѣмъ опять принимался пѣть Три-святое.

Такъ прошли послѣдніе двѣ недѣли передъ его смертью.

Жалѣлъ онъ меня, что тяжело мнѣ было за нимъ ухаживать, хотя я ему этого ничѣмъ не выражала:

— „Потерпи немного, бѣдная Анюта: скоро, скоро я тебя освобожу—уже и шагу полного не осталось до могилы!“

— Полноте, Андрей Александровичъ, что вы говорите такое: еще мы съ вами „въ шестьдесятъ шесть“ поиграемъ. Богъ дастъ, скоро совсѣмъ поправитесь!“

А гдѣ тамъ было поправиться: больной таялъ, какъ догорѣвшая свѣчка.

Онъ загадочно и грустно улыбался въ отвѣтъ на мои успокоительныя рѣчи, а самъ все твердилъ одно:

— „И полного шагу-то и того не осталось!“

Я не понимала въ то время этихъ словъ: изъ памяти вышло, что говорилъ онъ намъ во время своего видѣнія. А дѣло-то потомъ само себя оказало, и стало ясно, что это были за „шаги“ Андрея Александровича.

24-го августа была суббота. Я пошла вечеромъ ко всеобщей. Возвращаюсь домой, а мнѣ и говорить прислуга:

— „Вась что-то Андрей Александровичъ вскричался: идите къ нему скорѣй!“

Я побѣжала въ садъ и съ ужасомъ вижу: стоитъ мой Андрей Александровичъ въ дверяхъ своего помѣщенія и не своимъ голосомъ кричитъ мнѣ:

— „Анюта! бѣги скорѣй, купи два хлѣба!“

И было чего мнѣ по первоначально испугаться: все время мой больной былъ безъ ногъ, а тутъ всталъ самъ и стоитъ у дверей, какъ здоровый, да еще кричитъ такимъ, показалось мнѣ, страшнымъ голосомъ. Отъ изумленія и перепугу я ему не сразу отвѣтила, а онъ опять кричитъ:

— „Бѣги скорѣй, покупай два хлѣба!“

Тутъ я немного пришла въ себя и отвѣтила:

— Успокойтесь, Андрей Александровичъ, подите—лягте: какіе теперь хлѣбы—булочные всѣ заперты.

— „Да не эти хлѣбы—не булочные: небесные два хлѣба принеси для насъ съ тобой, Анюта!“

Не поняла я его тутъ, а онъ о Причастіи, стало быть, говорилъ, называя его небеснымъ хлѣбомъ.

Уложила я его тутъ въ постель. Онъ совсѣмъ обезсилѣлъ.

На другое утро,—было это воскресенье,—я собиралась къ ранней обѣднѣ, а онъ началъ кончаться, и, съ первымъ ударомъ колокола, вылетѣла изъ измученнаго тѣла изстрадавшаяся душа того, кого на землѣ звали Андреемъ Александровичемъ Карасевымъ.

Умеръ онъ 25 августа, а около 25-го мая заболѣлъ. Ровно три мѣсяца исполнилось его болѣзни со времени его видѣнія: они-то и были загадочными тремя шагами, отдѣлявшими горькую земную жизнь несчастнаго отъ блаженной жизни вѣчности.

VIII.

Поплакала я по немъ, когда его хоронили—ужъ очень я къ нему привязалась за послѣднее время, очень пожалѣла его за все горе, которое довелось перенести на землѣ горемыкѣ-куму. Прошло сорокъ дней со дня его кончины. Всѣ сорокъ дней я ходила ко всѣмъ службамъ, подавала за обѣдней часточки за упокой его страдальческой души, служила панихиды... Только на сороковой день вотъ что произошло со мной: это вы ужъ, какъ хотите, такъ и понимайте!..

Собралась я къ ранней обѣднѣ послѣдній разъ помянуть кума у престола Божія; стала одѣваться, да ужъ, сама не помню, какъ, сидя на стулѣ, взяла да заснула. Смотрю это—во снѣ ли то, или на яву, разобраться въ этомъ я не умѣю,—и вижу: отворяется дверь въ мою комнату и входитъ самъ Андрей Александровичъ, какъ живой, но только такой хорошій, хорошій! и лицо радостное. Входитъ онъ и говорить:

— „Ты меня не бойся, Анюта! я къ тебѣ только на минуточку: меня насилу къ тебѣ отпустили—ужъ очень я къ тебѣ просился, и отпустили-то всего на самое короткое время... Да, ты меня не бойся же Анюта!“

— Да я и не боюсь васъ, Андрей Александровичъ,—отвѣтила ему я, а у самой поначалу, охъ, какъ жутко было на сердцѣ... Потомъ—ничего обошлось и стало какъ-то и интересно, и радостно: что, молъ, дальше будетъ?

— „Вотъ, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ Анюта: я хочу тебѣ

показать, какую я тебѣ со мной рядомъ комнату приготовилъ. Хочешь ее посмотреть?"

— Покажите, милый Андрей Александровичъ!

— Тутъ Андрей Александровичъ подошелъ къ глухой стѣнкѣ моей комнаты, что-то тамъ отодвинулъ: и моимъ глазамъ предстала чудная, свѣтлая, невиданной красоты комната; а за ней—открытая дверь въ другую, сосѣдную...

— „Эту, вотъ, я тебѣ приготовилъ“,—сказалъ мнѣ Андрей Александровичъ: „а, вотъ, та, другая, рядомъ—это моя теперешняя Видишь, какъ намъ будетъ съ тобой хорошо!“

Сладко, сладко стало у меня на сердцѣ: я забыла весь свой мимолетный страхъ и уже смѣло обратилась съ вопросомъ къ душѣ своего кума—я уже знала, что это была душа его:

— „Скажите мнѣ, Андрей Александровичъ: страшно вамъ было переходить мытарства? Вѣдь, вы уже ихъ, стало быть, теперь перешли, если васъ ко мнѣ отпустили?“

— „Экая, какая ты, Анюта!—все-то тебѣ расскажи. Некогда мнѣ, Анюта—пора домой: вѣдь, я на короткій срокъ отпущень... Ну, да, видно, дѣлать нечего: еще съ тобой минуточку побуду... Есть у тебя тутъ каша?“

— Есть!—отвѣтила ему я. Смотрю: дѣйствительно, на моемъ столикѣ откуда-то взялась тарелка, верхомъ полная каши, и рядомъ съ тарелкой ложка.

Андрей Александровичъ взялъ ложку и сталъ ею брать и откладывать съ тарелки по нѣсколько крупинокъ каши:

— „Вотъ столько“, говоритъ онъ: „отдалъ я за такой-то грѣхъ; столько—за такой, а вотъ столько—за такой“... Всѣ свои грѣхи перечиталъ Андрей Александровичъ, а тарелка съ кашей, какъ была верхомъ полная, такъ, вижу, и осталось...

— „А вотъ, это все“,—добавилъ Андрей Александровичъ, указывая на полную тарелку: „отдалъ я за грѣхъ тайной злобы, которую я держалъ на своемъ сердцѣ, и только, только хватило мнѣ на расплату... Храни сердечный миръ со всѣми, Анюта! Всѣхъ и за все прощай ото всего сердца; не осуждай никого—и сама судима не будешь!.. А, теперь, пока прощай, Анюта!“

Съ этими словами скрылось мое видѣніе, а я очнулась, или проснулась—это ужъ вы сами разсуждайте, какъ знаете. Какъ была я полуодѣтая, такъ и очнулась, сидя на своемъ стулѣ.

Въ приходскомъ храмѣ благовѣсть уже звалъ меня къ послѣдней сороковой обѣднѣ по душѣ новопреставленнаго раба Божія Андрея.

Прошло съ того вотъ уже двадцать четыре года, успѣла я и состариться и здоровышко растерять, а все еще обѣщанной комнаты не могу удостоиться: видно, все осуждаю—не исполняю, видно, какъ слѣдуетъ, посмертнаго завѣта на землѣ несчастнаго,

а въ селеніяхъ праведныхъ блаженнаго Андрея Александровича...

Упокой, Господи, душу его въ мирѣ и въ мирѣ Своемъ претрпномъ!..“

Такова исторія, слышанная мною въ Оптиной пустыни отъ Божьей старушки...

Подумай-ка надъ ней, дорогой мой читатель! Не наведетъ ли она тебя на ту правду, которой тщетно добивается твоя душа въ этомъ, во злѣ лежащемъ мирѣ?...

С. Нилусъ.

Оптина Пустынь
2 Декабря 1905 г.

ПАМЯТИ СТАРЦА ВАРНАВЫ.

(Разсказъ Француженки). ¹⁾

I.

Я жила нѣсколько мѣсяцевъ въ семьѣ Т—хъ, когда я въ первый разъ увидѣла отца Варнаву.

Давно уже я слышала разсказы о батюшкѣ, разсказы полные благоговѣнія и любви, и я ощущала большое желаніе, смѣшанное, сознаюсь, съ немалою долей любопытства, видѣть предметъ такого почитанія.

Мое воображеніе католички рисовало мнѣ образъ отца Варнавы, похожій на нашихъ знаменитыхъ католическихъ священниковъ со вдохновенными жестами, раздушенными руками, элегантнмъ и краснорѣчивымъ. Вдругъ намъ сказали, что пріѣхалъ отецъ Варнава. Къ моему удивленію, я увидала, что вышелъ изъ кареты монахъ небольшого роста, сѣдой, простоты необыкновенной, ничего похожаго на то, что я себѣ представляла, но выраженіе его лица дышало такою любовью, такою добротой и лаской, что невольно умиленіе наполнило мою душу. Впрочемъ, я сейчасъ же постаралась изгнать это чувство изъ сердца и сдѣлала всевозможныя усилія, чтобы разсѣять свое первое благоговѣйное впечатлѣніе, говоря себѣ: „вотъ еще, стану я цѣловать руку у этого стараго монаха, какъ здѣсь дѣлають всѣ;

¹⁾ Перепечатаваемъ этотъ трогательный разсказъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ прошлаго года въ увѣренности, что онъ доставитъ немалое утѣшеніе многимъ, лично знавшимъ незабвеннаго старца-простеца, который въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ всѣхъ приходившихъ къ нему согрѣвалъ своею любовью, утѣшалъ въ скорбяхъ, руководилъ своими мудрыми совѣтами духовнаго опыта. Вѣчная ему память!

нѣтъ, не дождетесь“—и съ этими словами я поспѣшила уйти; но какъ будто кто-то силой тянулъ меня къ батюшкѣ Варнавѣ.

Въ скоромъ времени послѣ этой первой встрѣчи я тяжко заболѣла двумя внутренними воспалениями. Опасность была такъ велика, что два доктора, лѣчившіе меня, послѣ консилиума рѣшили, что необходимо телеграфировать моей сестрѣ въ Африку, предупредить ее о моемъ опасномъ положеніи, чтобы она могла еще разъ свидѣться со мной до операціи, которую они считали необходимою, но за исходъ которой они не ручались. Температура моя держалась на 41° (Reumig); страданія были такъ велики, что я часами кричала на крикъ и пять дней я не могла не только уснуть, но мнѣ не удавалось опустить вѣки, несмотря на невыносимую усталость, мучившую меня.

Доктора были еще въ гостиной и говорили о моей болѣзни, когда пріѣхалъ родственникъ и сосѣдь по имѣнію Т—хъ, г. С. Онъ возвращался изъ Троице-Сергіевой Лавры и его первый вопросъ былъ:

— „Ну что ваша Французенка?“

— „Плоха“, отвѣтили ему.

— „Видно она очень больна“, сказалъ г-нъ С.—„вѣдь вы знаете, что я самъ совершенно боленъ, а, не смотря на это, отецъ Варнава мнѣ приказалъ непременно заѣхать сегодня къ вамъ, чтобы привести эту Иверскую икону Божіей Матери больной Французенкѣ. Я хотѣлъ было отложить свою поѣздку къ вамъ до завтра, говоря батюшкѣ,—что дурно себя чувствую и боюсь утомиться ѣздой по дурной дорогѣ, которая раздѣляетъ наши имѣнія. Какой тутъ! батюшка и слушать не хотѣлъ. „Нѣтъ, нѣтъ, ты повезешь образъ сегодня вечеромъ, слышишь, *непримѣнно* сегодня вечеромъ больной Французенкѣ“.

Сестра Т—хъ мнѣ принесла благословеніе батюшки. Съ умиленною радостью я поцѣловала святое изображеніе Матери Господа нашего. Потомъ, положивъ икону подъ подушку, въ первый разъ во все продолженіе моей болѣзни я заснула крѣпкимъ сномъ и когда, часъ спустя, доктора пришли еще разъ на меня посмотреть, температура спустилась на нѣсколько градусовъ и они нашли мое положеніе настолько улучшеннымъ, что рѣшили ждать до слѣдующаго дня, чтобы рѣшить, нужна ли будетъ операція (часъ тому назадъ они считали ее необходимою). На другой день я была почти внѣ опасности и лица у докторовъ были изумлены, видя, какъ я скоро оправилась отъ своей опасной болѣзни. Легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала слѣдующаго пріѣзда отца Варнавы послѣ моего исцѣленія, которое я приписывала всецѣло его молитвамъ.

Полгода прошло, какъ я снова увидала батюшку, и это второе свиданіе съ нимъ глубоко врѣзалось мнѣ въ память, благо-

даря истинно-отеческой добротѣ, которую выказалъ мнѣ здѣсь старецъ. Послѣ обѣда мы все собрались въ гостинной вокругъ отца Варнавы. Я сѣла немного поодаль, однако, достаточно близко, чтобы слышать все, что говоритъ батюшка. На столѣ были фрукты и отецъ Варнава одѣлялъ ими членовъ семьи, потомъ, взявъ вѣтку винограда, онъ подошелъ ко мнѣ.

— „Ну, Марія Магдалина, ты тоже будешь дѣлать нашу трапезу, вотъ тебѣ, съѣшь эту вѣтку винограда.“

— Батюшка, отвѣчала я,—меня зовутъ не Марія Магдалина: я названа Маріей въ честь Богоматери.

— „Нѣтъ, нѣтъ, Марія Магдалина“, тихо произнесъ старецъ. (Пять лѣтъ спустя я приняла православіе и имя Маріи Магдалины, но въ то время и мысль о перемѣнѣ вѣры не приходила мнѣ на умъ).

Нѣкоторое время спустя я видѣла странный сонъ про батюшку. Вижу себя въ гостиной Т—хъ, а отецъ Варнава разговариваетъ съ хозяиномъ дома. Я же будто стою немного въ сторонѣ и спрашиваю себя съ любопытствомъ: „правда ли, что отецъ Варнава имѣетъ отъ Господа даръ прозорливости, какъ это о немъ говорятъ, отгадаетъ ли онъ, о чемъ я думаю теперь, и скажетъ ли онъ мнѣ, надо ли мнѣ выписывать мою сестру въ Россію или нѣтъ“. Вдругъ будто отецъ Варнава оборачивается ко мнѣ и говоритъ: „Нѣтъ, нѣтъ, оставь сестру жить, гдѣ она живетъ, она замужъ выйдетъ и будетъ счастлива, а ты подожди три года, черезъ три года и ты будешь счастлива“. На этомъ я проснулась и съ открытыми глазами я еще ясно видѣла батюшку передъ собой. Я сейчасъ же все рассказала г-жѣ Т.—и просила ее рассказать объ этомъ батюшкѣ, когда она его увидитъ. Батюшка пріѣхалъ. Я вошла въ гостиную, чтобы съ нимъ поздороваться.

— „Ахъ, батюшка!“ сказала ему г-жа Т.—„я забыла рассказать вамъ, что на дняхъ mademoiselle Marie видѣла васъ во снѣ“...

— „Не надо вѣрить снамъ“, прервалъ ее старецъ.—„Сатана часто принимаетъ крылья ангела, чтобы хотя во снѣ обольстить вѣрныхъ“.

Потомъ, обращаясь ко мнѣ, батюшка добавилъ:

— „Вотъ будешь вѣрить снамъ, я во снѣ приду къ тебѣ“.

— Ахъ, батюшка, теперь буду вѣрить, воскликнула я,—наочно буду вѣрить, чтобы часто васъ видѣть во снѣ.

— „Вотъ она какая“, съ улыбкой проговорилъ отецъ Варнава. Потомъ, къ великому моему изумленію, онъ добавилъ: „А сестру твою оставь жить, гдѣ она живетъ, она выйдетъ замужъ и будетъ счастлива, а ты подожди три года, черезъ три года и ты будешь счастливая“. (Это было слово въ слово, что батюшка

говорилъ мнѣ во снѣ, и замѣтите, что г-жа Т. не успѣла ничего ему рассказать про мой сонъ).

— Но, батюшка, какимъ же образомъ выйдетъ замужъ моя сестра, сказала я ему,—она живетъ такъ далеко въ Африкѣ и никого тамъ не знаетъ.

— „Она вернется къ себѣ домой“.

— Да нѣтъ-же, батюшка,—заспорила я,—она не можетъ такъ скоро вернуться: ей такъ хорошо живется на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь.

— „Ну, умница, ты лучше меня знаешь, а вотъ увидишь“,—сказалъ отецъ Варнава.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я узнала, что моя сестра возвращается во Францію, чтобы выдти замужъ. А то счастье, которое предсказывалъ мнѣ батюшка, относилось къ принятію мною православія, что произошло именно черезъ три года.

Когда отецъ Варнава снова пріѣхалъ къ Т—мъ, я побѣжала къ нему навстрѣчу, прося его благословенія ѣхать во Францію на свадьбу моей сестры, на ту свадьбу, которую онъ мнѣ такъ давно предсказалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но, къ моему удивленію, батюшка рѣшительно воспротивился моему отъѣзду. Сначала шутя онъ началъ говорить:

— „Ты вѣдь захочешь танцовать на свадьбѣ и сломаешь ногу, развѣ пріятно тебѣ будетъ вернуться въ Россію хромою“, потомъ онъ серьезно добавилъ:—„увѣрена ли ты, что сестра твоя тебѣ обрадуется, что ты не разстроишь ея счастье? Знаешь ли, за кого она выходитъ замужъ?“

Тогда только мнѣ припомнился случай изъ моей ранней молодости, а именно что мой будущій зять дѣлалъ предложеніе мнѣ, когда мнѣ было лѣтъ 17, и я стояла передъ батюшкой пораженная его дивною прозорливостью.

Отецъ Варнава пріѣхалъ къ Т—мъ на послѣдній день масляницы. Онъ находился со всею семьей въ залѣ, а я на другомъ концѣ большого длиннаго дома разговаривала со старушкой Англичанкой, которая завѣдывала хозяйствомъ. Видя, что она несетъ въ рукахъ блюдо съ дичью, я ей сказала: „Пожалуйста, будьте добрыя, сохраните всю эту дичь для меня къ завтраку и вообще къ будущей недѣлѣ: всѣ здѣсь кушаютъ постное и я поѣмъ всласть, потому-что поститься я не намѣрена, во-первыхъ, я постное не переносу: я такъ малокровна, что больна даже отъ католическаго поста (съ масломъ и яйцами), а вашего постнаго масла и запахъ вызываетъ во мнѣ тошноту, да притомъ очень ужъ и люблю дичь“. Послѣ этихъ словъ я вернулась въ залу, а батюшка, увидавъ меня, сказалъ:

— „Иди сюда, Марія Магдалина, иди, сядь около меня“.

Я сѣла рядомъ съ нимъ и батюшка взялъ меня за руку:

— „Ты хрістіанка, Марія Магдалина?“

— О, да, батюшка, отвѣчала я.

— „А какъ ты дѣлаешь крестное знаменіе?“

Я начала класть крестное знаменіе и невольно перекрестилась по православному.

— Батюшка, сказала я тогда,—я не могу такъ креститься, какъ того требуетъ наша церковь: моя рука невольно ложится сначала на правое плечо по православному.

Отецъ Варнава улыбнулся.

— „Это хорошо, Марія Магдалина, и пусть твой постъ будетъ тоже православный“.

Я совсѣмъ растерялась и поскорѣе побѣжала къ Англичанкѣ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, дорогая, отдайте все это мясо людямъ; я постараюсь поститься какъ всѣ вы и надѣюсь, что молитвы батюшки мнѣ помогутъ, потому что, вообразите, онъ упрекнулъ меня въ моемъ обжорствѣ, какъ будто онъ все слышалъ, что я вамъ недавно говорила. Да, я постараюсь поститься, ну, а если очень ослабѣю, вы велите мнѣ зажарить баранка, не правда-ли?“

Сознаюсь, что къ хорошему намѣренію поститься я добавила это печальное окончаніе про барашка, потому что въ то время вѣра моя въ силу молитвы батюшки не была еще такъ крѣпка, какъ она стала впоследствии.

Я не буду удлинять своего разсказа, описывая подробно, какъ отецъ Варнава рѣшительно меня удержалъ у Г—хъ, когда я одно время думала оставить семью, или какъ батюшка меня отыскивалъ въ толпѣ, когда я бывала въ Черниговскомъ монастырѣ. Духовныя дѣти батюшки знаютъ хорошо, какъ старецъ отгадывалъ ихъ присутствіе, несмотря на толпу, которая скрывала ихъ отъ его глазъ. Я скажу только, что при каждой встрѣчѣ съ батюшкой его прозорливость и дивная доброта привлекали меня все больше и больше, и мысль о переходѣ въ православіе зарождалась въ душѣ. Всякій день желаніе это охватывало меня съ большею силой. Отецъ Варнава ясно читалъ въ моей душѣ, хотя я никогда ему не говорила о моемъ желаніи перемѣнить вѣру; но онъ терпѣливо ждалъ минуты, когда я буду готова къ этой великой перемѣнѣ въ моей жизни.

Какъ-то осенью, какъ теперь помню, это было 17 сентября 1904 года, батюшка мнѣ вдругъ сразу и говорить:

— „Ну чего ты ждешь, время пришло, пора тебѣ стать православною“.

— Батюшка, я вѣдь, правда, объ этомъ думаю, отвѣчала я,—но я еще не готова, не умѣю говорить по-русски, не съумѣю даже исповѣдываться.

— „Ничего, научишься, сказалъ батюшка,—поѣзжай къ епи-

скопу Трифону, скажи ему, что я тебя послалъ; онъ тебя пойметъ и поможетъ тебѣ во всемъ“.

Этотъ разговоръ съ батюшкой у насъ былъ 17 сентября, а 26 того же мѣсяца, въ Москвѣ, въ церкви Великомученицы Екатерины, о. Иоаннъ А—ъ, къ которому направилъ меня владыка Трифонъ, присоединялъ меня къ православію. Передъ исповѣдью отецъ Иоаннъ меня спросилъ:

— „Вамъ надо будетъ перемѣнить имя, какое хотите вы принять?“

— Отецъ Варнава всегда звалъ меня Маріей Магдалиной, отвѣчала я,—а потому мнѣ кажется, что лучше всего мнѣ выбрать это имя.

— „О, безъ сомнѣнія, если отецъ Варнава называлъ васъ такъ, и мы наречемъ васъ Маріей Магдалиной“, сказалъ отецъ Иоаннъ. И въ тотъ вечеръ за всенощной читали Евангеліе о Маріи Магдалинѣ. Отецъ А—ъ и я были глубоко этимъ поражены.

Послѣ принятія Святыхъ Таинъ я поѣхала къ Троицѣ, чтобы поклониться Святымъ Мощамъ и получить батюшкино благословеніе. Я опоздала на поѣздъ, и мнѣ пришлось пріѣхать въ Черниговскія пещеры только въ 8 часовъ вечера; батюшка былъ уже въ своей кельѣ и меня не хотѣли пускать къ нему, говоря, что отецъ Варнава уже отдыхаетъ и чтобы я приходила завтра. Въ эту минуту я услышала, какъ ключъ повернулся въ замкѣ батюшкиной комнаты, и голосъ отца Варнавы позвалъ меня:

— „Марія, иди сюда, я тебя ждалъ. Ты православная?“

— Да, батюшка, съ сегодняшняго дня, отвѣчала я, пораженная тѣмъ, что батюшка уже зналъ объ этомъ раньше, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ бы ему объ этомъ сказать.

Батюшка пригласилъ меня поѣхать съ нимъ въ его монастырь на Выксу, и я имѣла счастье быть въ числѣ тѣхъ, кто присутствовалъ на юбилеѣ старца 13 октября 1904 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).